

Аркадий СТРУГАЦКИЙ
Борис СТРУГАЦКИЙ

В НАШЕ ИНТЕРЕСНОЕ ВРЕМЯ

Первые две страницы рассказа утрачены безвозвратно. Мы собирались, да так и не собрались их восстановить. Впрочем, насколько я помню, ничего особенно интересного там не было - сидит у себя на даче редактор, клянет дурную погоду и правит скучную рукопись. (Примечание Б.Стругацкого.)

...уравновешенными и добропорядочными людьми. Я вздохнул и посмотрел в окно. Дачный поселок спал. Было тихо, только дождь шуршал да подвывала во сне дворняга соседей. Мокрая, унылая, свернувшаяся в клубок под крыльцом. Я взялся за вторую папку и проработал еще часа полтора.

Академик успел стушеваться и уйти с головой в научную работу, аспирантка сделала небольшое открытие и ушла от Володи, когда сквозь шум дождя я услышал какие-то новые звуки. Сначала я подумал, что это мокрая дворняга бродит в палисаднике. Но потом кто-то отворил дверь в сени, и в сенях что-то загремело - наверное, канистра, в которой я носил керосин из лавки. В дверь постучали, и раньше, чем я ответил, дверь отворилась. На пороге стоял совсем незнакомый человек в очень странном костюме. От удивления я даже, кажется, открыл рот. Человек затворил за собой дверь и сказал:

- Извините, можно у вас погреться?

Я смотрел на него. Он был весь мокрый и грязный с ног до головы, и у него зуб на зуб не попадал от холода. Я на всякий случай встал и сказал нерешительно:

- З-заходите...

На нем была толстая куртка с множеством карманов, стеганая, словно ватник, а из-под куртки торчали ноги в черном балетном трико в обтяжку. Обувь на ногах не было никакой. Это уже само по себе было странно, но он еще весь был вывалян в грязи, даже лицо было в грязи, будто его километра три протаскивали по деревенской улице волоком.

Он присел на табурет и улыбнулся. Улыбнулся весело, но с трудом - у него лицо сводило от холода. Я молча притащил керогаз и стал его разжигать, а незнакомец сидел, обхватив себя руками за плечи, и звонко стучал зубами. Я разжег керогаз. Незнакомец с трудом выговорил "спасибо" и протянул руки к огню. От куртки сразу повалил пар, и запахло сыростью.

- Где это вы так? - спросил я. - Машина застряла?

Он посмотрел на меня, засмеялся и сказал:

- Ага, машина.

Он совсем не походил на человека, у которого застряла машина. У него было худое веселое лицо, очень смуглое, какое-то хитрое и довольное, словно он только что кого-то очень ловко обманул или перехитрил. И весь он был ловкий, крепкий, прочно сбитый. Было в нем что-то от молодого Мефистофеля.

- Далеко? - спросил я.

- Километров пять отсюда, - сказал он. - Я зашел в Поселок, смотрю - везде спят. Ну, думаю, имею один грипп. А тут ваше окно. Я так обрадовался, ей-богу!

- Слушайте, - сказал я. - Снимите ваш балахон. Он же мокрый насквозь.

Он посмотрел на меня, подумал и стал снимать куртку. Никогда в жизни я не видел такой сложной куртки. На ней было штук двадцать молний, и больше всего она напоминала пояс для спасения на водах. Он снимал ее минут пять, время от времени вздрагивая и судорожно поводя плечами.

- А где ваши ботинки? - не вытерпел я.

- В грязи утопил, - ответил он и опять засмеялся. - Грязь у вас здесь - прямо первобытная. Хорошо!

Под курткой у него оказалось все то же облегающее трико без ворота. Я хотел взять у него куртку и развесить в сенях, но он сказал:

- Нет, не надо, спасибо. Я так.

- Что значит - так? - удивился я. Он свернул куртку в рулон и положил

у своих ног. - Так она и до утра не просохнет.

Он хихикнул.

- Не беспокойтесь, ей-богу. Мне до утра ждать не придется. Пусть здесь полежит.

И тут я заметил одну странную вещь. Эта черная рубашка у него тоже была вся в грязи. Грязь уже подсохла и отваливалась серыми струпами. Я сразу подумал: как это так много грязи могло попасть ему под куртку? С другой стороны - глупо лазить под машиной в трико, если есть толстая стеганая куртка.

Незнакомец грел руки над керогазом и смотрел на огонь. Он задумчиво улыбался. Странное у него было лицо. По-моему, он совершенно забыл обо всем - и обо мне, и о первобытной грязи... Конечно, про машину он врал, но кому придет в голову бродить ночью под дождем в таком балетном наряде?.. Чем-то он мне нравился все-таки - может быть, по контрасту с нудным престарелым академиком... Я сказал:

- Хотите водки? - Он все еще вздрагивал и поеживался.

Он поднял на меня глаза, и я увидел, что он колеблется. Тогда я встал, сходил за водкой и принес два стакана. Он уставился на водку, затем снова посмотрел на меня.

- Знаете... - нерешительно сказал он. - Пожалуй, не стоит... - Он снова посмотрел на водку и вдруг махнул рукой. - А ну их всех! Выпью!

Он взял свой стакан, чокнулся со мной и выпил залпом. Я пододвинул ему холодные котлеты и налил еще. Он подмигнул мне, снова махнул рукой и снова выпил.

- Все равно никто не узнает, - заявил он. - А узнают, так тоже не беда.

Я заметил у него на ладони свежие царапины. Под ногтями было полно грязи, а один ноготь был сломан и надорван, и на нем запеклась кровь.

Он взял с тарелки котлету, сунул ее целиком в рот и невнятно спросил:

- Что тут у вас новенького?

- Где это - у нас?

Он немножко смешался.

- Ну здесь, в этих краях... И вообще... Я на своей машине газет не получаю.

Я сказал, что на своей даче тоже не получаю газет. Он кивнул и снова протянул руки к огню.

- А тут у вас ничего... Только холодно.

- Погода дрянная, - сказал я. - Лето называется...

- Да, погодка не летняя, - сказал он с удовольствием. - Дождь. Кругом дождь. Я там влез в кусты - мокро, ужас! - Он радостно засмеялся.

Станный он был человек: грязный, мокрый, промерзший и все-таки чем-то необычайно довольный.

- Так что же у вас за машина? - спросил я иронически.

- "Победа", - быстро ответил он. Слишком быстро.

- Не вездеход?

- Да нет, пожалуй, не вездеход.

- И вас, конечно, снесло в кювет, - сказал я.

- А почему - конечно? Впрочем, действительно снесло. И представьте себе, именно в кювет... А скажите, сельсовет у вас тут есть?

Врал он весело и совершенно откровенно - он даже не пытался скрывать этого.

- Нет, сельсовета у нас нет, - сказал я медленно. - У нас дачный поселок. А зачем вам сельсовет?

Он засмеялся мне в лицо:

- А как же! Машину вытащить надо? Надо. А чем тащить? Трактором?

- Да, - сказал я неопределенно. - Действительно... Трактором.

Наступило молчание. Он смотрел на меня с откровенной насмешкой. Тогда я сказал внушительно:

- А вот милиция у нас есть. Совсем рядом - через два дома...

Незнакомец замахал на меня руками.

- Ну зачем же милиция?! - закричал он. - Давайте уж как-нибудь обойдемся без милиции!

- Давайте, - согласился я. Он мне нравился несмотря ни на что. Бдительность моя дремала.

- Славный у вас поселок, - заявил он неожиданно. - Тут дачу можно

снять?

- Чего славного? - проворчал я. - Грязища да скука...
- Скука? Какая же это скука? Кругом зелень, речка, наверное, есть...
- Речка есть, - сказал я.
- Ну вот видите! И девушки здесь, наверное, приятные...
- Откуда здесь девушки, - сказал я сердито. - Одни жены дачные - поперек себя шире...

Он так и залился смехом, совершенно детским, и долго не мог остановиться, а потом вдруг настороженно прислушался и спросил:

- А до города далеко отсюда?
- Километров тридцать.

Я увидел, что вокруг его свернутой куртки натекло воды. Я нагнулся и протянул к куртке руку - он поймал меня за запястье.

- Не надо... - попросил он. Пальцы у него были горячие и твердые, как железо.

- Она же вся мокрая... - сказал я и попытался освободиться.

Он легко отвел мою руку.

- Ей-богу, не надо. Так высохнет. И потом я скоро все равно пойду.

Он отпустил мою руку.

- Куда же вы пойдете в такой дождь? - сказал я. - Оставайтесь ночевать.

Он подмигнул мне.

- А машина? Вдруг сопрут!..

- Как хотите, - сухо сказал я.

Все-таки он очень утомлял, этот странный человек. А он весело запел "Как в моем садочке...", опустил на корточки и стал разворачивать свою неприкосновенную куртку. Когда он развернул ее, откуда-то выпала маленькая черная коробочка и стукнулась об пол. Он ее сразу подхватил и сунул обратно в куртку. Я заметил только, что на коробочке горел зеленый огонек.

- Чуть не раскокал... - прошептал незнакомец и снова свернул куртку изнанкой внутрь. Я промолчал.

Он легко вскочил и бесшумно подошел к окошку. Я сидел и смотрел, как он, прижав лицо к стеклу, вглядывается в темноту.

- Это главная улица, да? - спросил он, не оборачиваясь.

Я сказал, что главная. Великолепного сложения был этот человек - стройный, плечистый, настоящий боец. Черное трико словно обливало его.

Он повернулся, несколько раз прыгнул на месте - мягко, как кот, и сказал весело:

- Вот я и обсох. Спасибо.

- На здоровье, - буркнул я и подумал, а не спросить ли у него все-таки документы. Но в эту минуту на улице взревели моторы, и в окна ударил свет прожектора.

- Прекрасно! - сказал незнакомец. - Это за мной.

Он сразу как-то подтянулся, перестал улыбаться, торопливо подобрал и набросил на плечи свою куртку и снова подошел к окну. Я увидел, что он открывает окно, и на всякий случай поднялся. На улице под дождем стояли две огромные машины на гусеницах. Послышались голоса. Незнакомец открыл окно и высунулся по пояс. "Сейчас он сунет руку в задний карман..." - подумал я и приготовился на него прыгнуть. Но он только крикнул:

- Ксан Ксаныч, я здесь!

На улице радостно заорали в несколько голосов. Послышался беспорядочный топот, зачавкала грязь. Злобно взвыла напуганная соседская дворняга. В сених загремело - вероятно, все та же канистра, - кто-то чертыхнулся сдавленным голосом.

Незнакомец повернулся и шагнул мимо меня. Дверь распахнулась. В комнату ввалились сразу трое - удивительно, как они втиснулись. Один, маленький, в мокром черном плаще, остался на пороге, а двое - бородатый и в очках - сразу кинулись к моему незнакомцу и принялись его обнимать.

- Жив, Вовка, жив!..

- У-у, медведь здоровый...

- Руки-ноги целы?.. Ой, не дави так!..

- А где она? - спросил незнакомец.

- Кончилась, Вова! - сказал бородатый и лихо сдвинул шляпу на затылок.

- Ничего, главное - ты у нас остался...

- ...нашли? - тут мой незнакомец употребил какое-то сложное слово, какой-то, видимо, термин, которого я не понял.

- Все, все нашли, - нежно сказал бородатый и снова обнял его. - Все нашли и еще полмешка луку в придачу!..

- Штаны твои нашли... - сказал очкастый. Маленький в черном плаще все смотрел на меня, приятно улыбаясь одними губами. У меня было такое ощущение, что я ему очень не нравлюсь.

- А я-то искал-искал, - сказал незнакомец. - Нет штанов! В грязи вывалился как свинья. Куртку сразу нашел, а штаны - нет.

- Ну, пошли, - сказал бородатый и поволок незнакомца к выходу. Незнакомец дошел до дверей и вдруг остановился.

- Подождите, с хозяином надо проститься... - Он повернулся ко мне. - Спасибо вам за ласку, товарищ... Простите, не знаю вашего имени-отчества...

Он добродушно и растроганно улыбнулся и вдруг подмигнул. Я молча поклонился. Мне было неловко. Все смотрели на меня, особенно - маленький в черном плаще. Незнакомец сунул-таки руку в задний карман, покопался там, что-то вытащил, вложил мне в ладонь и вышел. Остальные последовали за ним, разговаривая во весь голос, и даже двери за собой не закрыли.

Я поднял руку к глазам. На ладони у меня лежал камешек. Обыкновенный камешек, пористый, серенький, похожий на песчаник. Голоса уже раздавались во дворе. Отчаянно заливалась дворняга. В голове у меня все шло кругом, и я ничего не понимал.

Вдруг кто-то сказал: "Извините". Передо мной стоял тот, в черном плаще, и приятно улыбался.

- Извините, - повторил он и осторожно взял камешек у меня с ладони.

- Что это? - спросил я.

Он внимательно посмотрел на меня, потом - мельком - на камешек, потом снова на меня.

- Это так... Шутка... Спокойной ночи. Простите нас за беспокойство...

Он повернулся и вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

За окном взревели моторы, и свет фар снова скользнул по окну.

Я посмотрел на пустую ладонь. Шутка, подумал я. Вот так шутка... Я стоял посреди комнаты, смотрел на стол, где громоздилась история престарелого академика, на пустой табурет, на воняющий керогаз, на мокрый след неприкосновенной куртки на полу и слушал, как затихает, удаляясь, рев могучих моторов.